

Юй Чанцин в это время боролся с кучей мяса, размышляя, не стоит ли просто создать барьер, чтобы оно не лезло на него. Услышав слова Ван Дачжуана, он поднял голову и спросил:

— Ты хочешь, чтобы я дал тебе второе имя?

Ван Дачжуан улыбнулся:

— Конечно! В деревне оно мне ни к чему, но ведь звучит так величественно! Сяньцзюнь, подбери мне имя, а я буду радоваться, даже если оно мне не пригодится. Только пусть будет... потеплее.

Юй Чанцин некоторое время смотрел ему в спину, затем произнёс:

— Пусть будет Цзися.

Ван Дачжуан повернулся к нему.

— Цзися? А что это значит?

Юй Чанцин отвернулся, не глядя на его лицо, и тихо произнёс:

— Цзися — это другое название июня. Разве ты не хотел чего-то тёплого? Июньское солнце — разве это недостаточно тепло?

Ван Дачжуан, довольный, рассмеялся:

— Сяньцзюнь, ты действительно удивительный! Имя такое красивое, только мне, деревенскому увальню, оно не очень подходит, ха-ха.

Юй Чанцин промолчал, лишь ещё раз взглянул на его спину.

«Глупый... Мы встретились в июне. Благодаря твоей доброте я дожил до сегодняшнего дня. Здесь нет погонь и бегства, нет холодных вершин горы Цинъюй. Впервые я почувствовал тепло июньского солнца в этом мире».

«Ты — мой вечный июнь. Ты просил меня дать тебе имя, и я позволил себе немного эгоизма. Это ведь нормально?»

Ван Дачжуан не понимал всех этих глубоких чувств, но сам факт, что Сяньцзюнь выбрал для него такое красивое имя, радовал его. Он немного погонял быка, а затем снова рассмеялся и обернулся:

— Сяньцзюнь, я тут подумал: если ты — снег, а я — июнь, то, когда мы вместе, я ведь могу тебя растопить?

Юй Чанцин снова недовольно отстранился от навязчивых кусков мяса, поправил рукава и спокойно ответил:

— Ну и пусть... Тогда я стану водой.

Ведь даже снег стремится к солнцу. Даже если он знает, что растает, он всё равно хочет ощутить тепло, пусть и на мгновение.

— Если ты вода, то самая чистая — родниковая, с заснеженных гор! Самая настоящая божественная вода! — рассмеялся Ван Дачжуан.

Юй Чанцин бросил на него взгляд и абсолютно серьёзно заметил:

— Дурак.

Хотя слова звучали резко, уголки его губ слегка приподнялись в мягкой улыбке, которую он поспешно скрыл, прежде чем Ван Дачжуан успел её заметить.

Однако Ван Дачжуан вовсе не обиделся, а наоборот, остался очень доволен своим удачным сравнением. Весело насвистывая, он продолжал править телегой.

Ван Дачжуан часто охотился и не раз продавал добычу в городе, так что для него это было привычным делом. Добравшись до рынка, он нашёл подходящее место, быстро собрал деревянный прилавок, выложил мясо и принялся за торговлю.

Юй Чанцин поехал с ним, и Ван Дачжуан был в восторге. Но, даже несмотря на то, что Сяньцзюнь изменил свой облик, сделав его неприметным, Ван Дачжуан всё равно не на шутку переживал, что кто-то догадается о его истинной сущности. Поэтому он усадил Юй Чанцина на телегу, строго-настрого запретил ему помогать, а лучше вообще не привлекать к себе внимания. Даже разговаривать слишком много тоже не разрешал — ещё бы, будь его воля, он бы повесил табличку с надписью: «На этой телеге нет никакого Сяньцзюня!»

Юй Чанцин мог только развести руками. Что он мог поделаться? Ван Дачжуан так усердно старался его оберегать, что даже возразить было бесполезно (довольная улыбка).

Мясо продавалось быстро. Дичь хоть и не была редкостью, но попадалась не каждый день, так что товар шёл на ура. Ближе к вечеру прилавок уже почти опустел.

Ван Дачжуан довольно прикинул, что если продолжится в том же духе, то он продаст всё

задолго до наступления темноты. Тогда ещё останется время пройтись по магазинам и купить Сяньцзюню новую одежду.

Однако когда остались последние куски мяса, случился небольшой инцидент. Подошёл здоровяк, одетый как слуга из богатого дома, и заявил, что хочет забрать остатки. Это было бы неплохо, но он оказался человеком, любящим поживиться за чужой счёт. Посчитав, что Ван Дачжуан — простак, он стал уверять, что это обрезки, остатки, и потребовал продать их за полцены. Ван Дачжуан не согласился, и тотчас завязалась перепалка. Слуга не только не покупал, но и мешал другим, задираясь и подначивая. Тем временем солнце клонилось к закату, и даже терпеливый Ван Дачжуан пришёл в раздражение. Нахмурившись, он твёрдо заявил, что не продаст ему мясо.

Казалось, что теперь не избежать ссоры, но тут выяснилось, что этот человек — из тех, кто боится сильных. Разозлённый Ван Дачжуан выглядел грозно. От жары он засучил рукава, обнажив мускулистые руки, а в ладони крепко сжимал мясницкий нож. От гнева мышцы на его предплечье напряглись, источая ощущение силы и мощи.

Хотя слуга и был крупным, но жил в тепличных условиях и оброс жирком. Увидев выражение лица Ван Дачжуана и вспомнив, что этот человек в одиночку завалил такую большую кабанью тушу, он струсил. Натужно фыркнув, он пробурчал что-то невнятное, буркнул, что передумал покупать, и, ворча, двинулся прочь.

Пока слуга разорялся, Юй Чанцин несколько раз порывался встать, но Ван Дачжуан, словно глаз не спускал с него, каждый раз протягивал руку и усаживал его обратно в телегу, не давая вмешаться. Он боялся, что Сяньцзюнь разозлится и использует силу, навредив себе. Если бы не это, он бы не вышел из себя так легко.

Слуга, уходя, всё ещё ворчал и бранился. Вдруг он почувствовал, как что-то ударило его по колену, и с грохотом упал на землю. Боль в ноге была такой сильной, что он чуть не заплакал.

Мимо проходил ребёнок, который испуганно вытаращил глаза и, подбежав к отцу, громко крикнул:

— Папа, этот дядька дурак! Он вдруг передо мной на колени рухнул! А я ему за это не дам денежку! Мои медяки мне ещё на леденцы нужны!

Отец ребёнка погладил его по голове и, бросив на упавшего беглый взгляд, повёл сына в обход, явно посчитав слугу ненормальным.

Слуга сначала побелел от боли, а потом покраснел от стыда. Стиснув зубы, он поднялся и начал озлобленно осматриваться, пытаясь понять, кто его так подставил.

Люди, видевшие сцену, держались от него подальше. Он подозревал каждого, но ни на ком не мог остановиться. Даже Ван Дачжуан был слишком далеко, чтобы можно было обвинить его.

От бессильной ярости у него аж в груди жгло.

Ван Дачжуан украдкой взглянул на Юй Чанцина, который как раз медленно засовывал руку обратно в рукав. Маленький камешек, с которым тот до этого играл в пальцах, исчез.

Ван Дачжуан, испугавшись, быстро наклонился к нему и прошептал:

— Сяньцзюнь, ты с ума сошёл? Ты же сказал, что нельзя использовать силу!

Юй Чанцин, пойманный с поличным, негромко кашлянул и невозмутимо ответил:

— Я не использовал духовную силу, только физическую. Это не считается.

Ван Дачжуан облегчённо вздохнул, а затем рассмеялся:

— Сяньцзюнь, зачем ты его дразнил?

Такой вот Сяньцзюнь, исподтишка подшучивающий над другими, казался ему удивительно живым и даже... милым. Ван Дачжуан сам не понимал, что именно чувствует.

— Он мне надоел. Мозолил глаза. Я уже сжалился, что не убил его, — равнодушно ответил Юй Чанцин.

Косо взглянув на Ван Дачжуана, он добавил:

— Я ведь говорил, что не хороший человек.

Ван Дачжуан снова засмеялся. Прищурившись, он тепло сказал:

— Неправда. Сяньцзюнь, ты просто заступился за меня. Я ведь всё понимаю.

Ах, какой же он очаровательный, этот Сяньцзюнь, когда хмурится и говорит такие грозные слова!

<http://bllate.org/book/12569/1117924>